

П. А. РАШПОРТ

О РОЛИ ВИЗАНТИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ В РАЗВИТИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Роль византийского влияния — один из наиболее острых вопросов истории русской архитектуры домонгольского периода. В зависимости от того, как исследователи отвечали на этот вопрос, складывалась их общая концепция развития древнерусского зодчества. Естественно поэтому, что проблема византийского влияния привлекала внимание с первых же шагов русской историко-архитектурной науки. Впрочем, для историков XIX в. вопрос этот решался достаточно просто: древнейшие памятники русского монументального зодчества строили греки, следовательно, на раннем этапе русская архитектура была провинциально-византийской, а несколько позже на нее стало оказывать влияние также и романское зодчество.

Такая точка зрения могла продержаться лишь до тех пор, пока оставались плохо изученными сами памятники — как русской, так и византийской архитектуры. Их изучение постепенно, но совершенно неопровержимо показало, что памятники русской архитектуры даже древнейшего периода далеко не идентичны синхронным им византийским памятникам. И тогда начал формироваться другой, диаметрально противоположный взгляд, согласно которому роль византийского влияния на развитие русской архитектуры была минимальной, а основное значение имели древние традиции русского деревянного зодчества. Эта концепция возобладала в 40—50-х годах XX в. Некоторые исследователи пошли так далеко, что даже кирпичную кладку из плинфы со скрытым рядом, характерную для зодчества Киевской Руси, объявили русским изобретением, вызванным к жизни желанием повторить в каменно-кирпичной архитектуре типичное для деревянных срубных построек членение стен горизонтальными полосами. Конечно, такое одностороннее увлечение «автохтонностью» древнейшего русского монументального зодчества могло лишь дискредитировать русскую историко-архитектурную науку.

В настоящее время обе эти крайние точки зрения полностью отвергнуты и в научной литературе господствует отвечающий фактам объективный подход¹. Констатируется, что византийская архитектура сыграла огромную роль в становлении русского монументального зодчества, хотя под влиянием местных условий даже наиболее ранние каменно-кирпичные здания Киевской Руси уже существенно отличались от византийских; в дальнейшем же пути развития русской и византийской архитектуры все более расходились, что привело в середине — второй половине XII в. к полной переработке византийских форм на Руси. Эти положения, историческая достоверность которых не вызывает сомнений, можно найти в работах ряда советских ученых, прежде всего В. Н. Лазарева и Н. Н. Воронина. Однако никто из исследователей не ставил перед собой задачи специального изучения данной проблемы и не пытался свести воедино все накопившиеся факты с тем, чтобы дать полный ответ на продолжающий

¹ *Удальцова З. В., Шапов Я. Н., Гутнова Е. В., Новосельцев А. П.* Древняя Русь — зона встречи цивилизации. — ВИ, 1980, № 7, с. 50.

оставаться острым и актуальным вопрос о роли византийского влияния на развитие древнерусской архитектуры.

Проблема, о которой идет речь, включает по сути два самостоятельных вопроса: как часто приезжали на Русь византийские зодчие и что они на Руси строили, во-первых; во-вторых, чем объясняется отличие древнейших памятников русской архитектуры от византийских и различие путей архитектурного развития в этих странах? По обоим этим вопросам за последние годы были получены весьма существенные новые данные.

Сложность решения проблемы, как и изучения древнейшего периода русской архитектуры в целом, связана прежде всего со скудостью источников; количество сохранившихся памятников невелико. В настоящее время на всей территории, некогда входившей в состав Древней Руси, имеется всего около 30 целиком сохранившихся памятников зодчества домонгольского периода, т. е. относящихся ко времени от конца X до середины XIII в. Если даже к этому добавить те постройки, которые сохранились лишь частично, и те, которые погибли в сравнительно недавнее время, то и тогда общее количество памятников не достигнет 60; из них к X—XI вв. относится менее десятка. Интенсивные исследования и археологические раскопки, проведенные за последние 30 лет, позволили увеличить количество изучаемых памятников русской архитектуры X—XIII вв. почти до двух сотен. Это дает возможность по-новому и более объективно решать вопросы, связанные с оценкой путей развития русской архитектуры и роли византийского влияния.

Русские летописи сообщают только об одном случае приезда византийских мастеров-строителей. Это произошло в конце X в., сразу же после принятия Русью христианства, когда греческие мастера построили в Киеве церковь Богородицы, названную Десятинной. Князь Владимир, как пишет летописец, «помысли создати церковь пресвятыя богородица и послав приведе мастера от Грек»². Остатки Десятинной церкви были вскрыты археологическими раскопками³. Постройка этого храма византийскими зодчими — факт настолько бесспорный, что не вызывал сомнений ни у одного, даже самого скептически настроенного ученого. Однако примененная в Десятинной церкви кладка из плитки со скрытым рядом неизвестна в каком-либо византийском памятнике того времени; все они возведены позже. Высказывалось предположение, что и в Десятинной церкви такая кладка относится к частям здания, перестроенным в 1039 г., но сама перестройка Десятинной церкви в XI в. очень спорна; соответствующее мнение основано исключительно на известии о вторичном освящении храма, которое могло быть вызвано вовсе не перестройкой здания, а какими-либо иными причинами. Главное же — кладка со скрытым рядом отмечена в найденных при раскопках фрагментах профилированного столба, явно относящегося к аркадам хор, т. е. безусловно к первоначальному этапу строительства. Таким образом, не подлежит сомнению, что техника, о которой идет речь, действительно использовалась на Руси уже в конце X в. Следовательно, она должна была применяться в Византии в еще более раннее время.

Обычно приводимые примеры византийских памятников, исполненных в технике кладки со скрытым рядом, не восходят ко времени древнее середины XI в. и относятся почти исключительно к зодчеству Константинополя⁴. Известны, однако, и более ранние постройки; так церковь Панагия Халкеон в Солуни была возведена в 1028 г.⁵ Памятники византийского зодчества второй половины X в. практически почти не изучены, а в Кон-

² Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 83 (6497 г.).

³ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1961, ч. 2, с. 25.

⁴ Schneider A. M. Byzanz. — Istanbuler Forschungen, Amsterdam, 1967, Bd. 8, S. 14; Schäfer H. Architekturhistorische Beziehungen zwischen Byzanz und der Kiever Rus im 10. und 11. Jahrhundert. — Istanbuler Mitteilungen, Tübingen, 1973/1974, Bd. 23/24, S. 198.

⁵ Vocotopoulos P. L. The concealed course technique: further examples and a few remarks. — JÖB, 1979, Bd. 28, S. 254.

стантинополе вообще не сохранилось ни одного памятника от середины X до третьей четверти XI в.⁶ Учитывая общие тенденции развития византийской архитектуры, большинство исследователей склоняется к мысли, что техника кладки со скрытым рядом была изобретена в Константинополе во второй или третьей четверти X в.⁷

Итак, очевидно, что постройка Десятинной церкви была осуществлена не просто византийскими («от Грек»), но столичными, константинопольскими мастерами. Кроме этого события, в Печерском Патерике излагается предание о приезде греческих зодчих в 70-х годах XI в. для постройки Успенского собора Киево-Печерского монастыря. Собор был заложен в 1073 г., причем в Патерике отмечено, что для его строительства «приидоша от Царяграда мастера церковнии, четыре мужи...»⁸. Некоторые исследователи сомневались в достоверности данного сообщения, поскольку оно не находило подтверждения в других источниках⁹. Однако изучение руин самого собора привело к выводу об историчности сообщения Патерика¹⁰. Совершенно неожиданно сведения легенды получили убедительное подтверждение при раскопках другого памятника — собора Кловского монастыря. Собор этот был построен в 80—90-х годах XI в. по заказу игумена Стефана, бывшего до этого игуменом Печерского монастыря, и поэтому вполне вероятно, что Кловский собор строили те же мастера, которые возвели Печерский собор. Вскрытая раскопками сложная и необычная для русских памятников сетка ленточных фундаментов затрудняла реконструкцию плана Кловского собора¹¹. Единственное решение, которое полностью соответствует плану фундаментов, — это храм с куполом на 8 опорах¹². Подкупольное пространство собора имело размер около 9,6 м; это был самый большой по диаметру купол в древней Руси. Тип храма с куполом на 8 опорах совершенно здесь не применялся, зато был широко распространен в Византии. Все сохранившиеся памятники этого типа находятся на территории Греции, но исследователи полагают, что по происхождению он все же не провинциально-греческий, а столичный¹³.

Кроме этих двух приездов византийских мастеров-строителей на Русь, засвидетельствованных как реальными остатками памятников, так и письменными источниками, имеются данные, позволяющие утверждать, что было еще несколько таких приездов.

В самом деле, после постройки Десятинной церкви и некоторых небольших гражданских зданий рядом с ней, видимо возведенных в то же время, строительство в Киеве прервалось. Новый его этап, связанный с сооружением Софийского собора, начался либо в 1017 г., либо в 1037 г. Даже если принять более раннюю дату, то и тогда окажется что строительная артель, возводившая Десятинную церковь, полностью бездействовала по крайней мере полтора десятка лет. К тому же ряд общесторических соображений и собственно «архитектурных аргументов» дают основания считать гораздо более вероятной позднюю дату начала строительства Софийского собора¹⁴. В таком случае лакуна между двумя этапами строительства в Киеве растягивается уже не менее чем на 30 лет. Видимо, пер-

⁶ *Buchwald H.* Sardis church E-a preliminary report. — *JÖB*, 1977, Bd. 26, S. 285.

⁷ *Schäfer H.* Architekturhistorische Beziehungen..., S. 218; *Vocotopoulos P. L.* Op. cit., S. 258 и. а.

⁸ Патерик киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 5.

⁹ *Каргер М. К.* Древний Киев, ч. 2, с. 344.

¹⁰ *Холостенко Н. В.* Памятник XI в. — собор Печерского монастыря. — Строительство и архитектура, Киев, 1972, № 1, с. 34.

¹¹ *Асеев Ю. С., Харламов В. О., Мовчан І. І.* Дослідження архітектури Кловського собору в Києві. — Археологія, 1979, № 30, с. 37. Предложенная этими авторами реконструкция не может быть признана убедительной.

¹² *Логвин Г. Н.* Архитектура храма на Клове. — В кн.: Исследование и охрана архитектурного наследия Украины. Киев, 1980, с. 72.

¹³ *Mango C.* Byzantine Architecture. N. Y., 1976, p. 224.

¹⁴ *Асеев Ю. С.* Про дату будівництва киявської Софії. — Археологія, 1979, № 32, с. 3; *Poppe A.* The building of the church of St. Sophia in Kiev. — *Journal of Medieval History*, 1981, vol. 7, N 1, p. 15.

вая артель строителей, возведя Десятинную церковь, возвратилась в Константинополь, а строительство Софийского собора осуществила уже новая артель, также приехавшая из Византии¹⁵. После этого строительная деятельность в Киевской Руси развивается непрерывно; очевидно, в процессе сооружения Софийского собора в Киеве сложилась собственная, достаточно сильная, строительная организация. Именно поэтому для возведения Печерского собора уже не надо было вызывать из Константинополя целую артель умельцев, а достаточно было пригласить несколько руководителей строительства — зодчих («четыре мужа»).

В конце XI в. началось монументальное строительство в Переяславле. Археологическое исследование памятников, построенных здесь в конце XI — начале XII в., показало, что как по архитектурным формам, так и по деталям строительной техники они не совпадают с памятниками Киева и целиком связаны с архитектурой Константинополя. Об этом вполне убедительно свидетельствует, например, раскопанная гражданская постройка, очевидно баня, о которой с удивлением писал летописец¹⁶. При ее раскопках были найдены керамические водопроводные трубы византийского типа, капитель из проконнесского мрамора, смальта от мозаичных наборов. Но особенно ярко отразились византийские черты в главном храме Переяславля — церкви Михаила, все архитектурные формы и декоративные элементы которой указывают на ее константинопольское происхождение¹⁷. Так, многие черты этого памятника находят аналогии в относящемся к XI в. константинопольском здании Гюль-джами, видимо бывшей церкви монастыря Эвергета¹⁸. Очевидно, что начало строительства в Переяславле связано с приездом сюда новой византийской строительной артели, вызванной епископом Ефремом, который до того, как обосновался в Переяславле, долгое время жил в одном из константинопольских монастырей «и тамо всякой красоте научився»¹⁹.

Таким образом, от конца X до конца XI в. мы можем отметить не менее четырех случаев приезда на Русь византийских строительных артелей или зодчих. Видимо, церковно-политические и культурные связи Руси и Византии являлись настолько тесными, что пригласить мастеров-строителей из Константинополя было иногда проще, чем готовить соответствующие кадры на месте.

Существует еще одна группа памятников конца XI или самого начала XII в., также созданных приехавшей на Русь новой строительной артелью: это церкви, построенные в Чернигове, и особенно Успенский собор Елецкого монастыря. Архитектурная композиция и тип последнего несомненно связаны с развитием киевского зодчества, в частности находятся под сильным влиянием Печерского собора. Вероятно, подражание типу «богосозданной» Печерской церкви было обязательным условием, которое поставили перед зодчими. Однако полностью изменившаяся строительная техника (равнослойная кирпичная кладка), новые типы конструкции (лестницы в толще стены, крестовые своды), совершенно иной набор декоративных элементов (аркатурный пояс, полуколонны на пилястрах фасадов и др.) и даже иная система формовки кирпичей свидетельствуют о том, что строителями были не киевляне, а какие-то приезжие мастера. Кроме Елецкого собора, и, вероятно, Борисоглебской церкви, в той же строительной технике в Чернигове была возведена небольшая бесстолпная Ильинская церковь, аналогии типу которой также известны в XI в. в разных районах Византии²⁰.

¹⁵ Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. М., 1978, с. 224.

¹⁶ «Строенье баньное камено, сего же не бысть прежде в Руси» [Лаврентьевская летопись, 6597 (1089) г.].

¹⁷ Малевская М. В., Раппопорт П. А. Церковь Михаила в Переяславле. — Зограф, Београд, 1979, № 10, с. 30.

¹⁸ Schäfer H. Die Gül Gamii in Istanbul. Tübingen, 1973; Aran B. The church of saint Theodosia and the monastery of Christ Euergetes. — JÖB, 1979, Bd. 28, S. 228.

¹⁹ Густинская летопись (ПСРЛ. СПб., 1843, т. II, с. 277). См. также: Poppe A. Państwo i Kościół na Rusi w XI wieku. W-wa, 1968, str. 142, 167.

²⁰ Eyice S. La ruine byzantine dite «Üçayak». — Carch., 1968, XVIII, p. 144.

После 1139 г., вместе с переходом на киевское княжение черниговских князей Ольговичей, те же зодчие начали работать и в Киеве. Происхождение этой строительной артели пока неясно, но, в отличие от всех предыдущих примеров, где явно ощущалась столичная, константинопольская архитектурная школа, в Чернигов приехали мастера из византийской провинции, причем из такого района, где наряду с византийской основой было заметно и романское влияние. Очень вероятно, что мастера были вызваны в Чернигов князем Олегом Святославичем, женатым на гречанке и проведшим несколько лет в Византии.

Практика приглашения византийских зодчих продолжалась на Руси и в XII в., хотя в меньшей степени, чем в XI в. Так, безусловно византийскими строителями были возведены церковь Благовещения в Витебске, а несколько позднее церковь Бориса и Глеба в Новогрудке²¹. Судя по технике кладки (чередование рядов тесаного камня и кирпича-плинфы), эти мастера, вероятно, прибыли из района Балкан²². Какой-то византийский зодчий участвовал в строительстве церквей в Полоцке в первой половине XII в.²³ Во Пскове в 40-х годах XII в. по заказу новгородского епископа Нифонта византийский мастер руководил строительством собора Мирожского монастыря, о чем свидетельствует четко выраженная крестообразная композиция, совершенно не применявшаяся на Руси, но типичная для провинциального византийского зодчества²⁴.

Казалось бы, столь частые приезды на Русь византийских строителей должны были привести к тому, что вся русская архитектура не только XI, но даже и XII в. полностью повторяла бы византийские архитектурные формы. Между тем этого не произошло. Даже самые ранние памятники русской монументальной архитектуры, созданные, несомненно, под руководством византийских зодчих, очень существенно отличаются от памятников, возведенных на территории самой Византийской империи.

Чем же можно объяснить такое явление? Очевидно, здесь сыграли роль три основные причины. Во-первых, приехавшим на Русь архитекторам пришлось тут решать иные задачи, чем на родине, отвечать на иные запросы. Именно новое задание заставляло зодчих прежде всего отказаться от привычных решений. Киевский Софийский собор строился как главный храм вновь сложившегося мощного государства. Своей пышностью и великолепием он должен был отвечать этому назначению, о чем убедительно свидетельствуют русские письменные источники. Собор должен был иметь обширные эмпоры (иначе — хоры; на Руси их называли «полати»), которые могли бы вмещать большое количество людей. Здесь происходили торжественные церемонии княжеского и епископского дворов, прием иностранных послов и пр. В Константинополе император мог использовать для этой цели эмпоры Софийского собора, построенного в VI в.; при сооружении новых церквей нужды в подобных помещениях в Константинополе не было. Но осветить обширные хоры в киевском Софийском соборе, прикрытые снаружи вторым ярусом галерей, можно было только через окна барабанов дополнительных глав. Таким образом, многоглавие русских церквей этого периода, столь резко отличающее их от византийских, имеет функциональное объяснение: это — исполненное византийскими строительными приемами решение задачи, которую поставили перед мастерами на Руси²⁵. В киевском Софийском соборе имеется 13 глав; в новгород-

²¹ Каргер М. К. Церковь Благовещения в Витебске. — КСИА АН СССР, 1978, вып. 155, с. 71.

²² Подробную сводку материалов об этой технике см.: Reusche E. Polychromes Sichtmauerwerk byzantinischer und von Byzanz beeinflusster Bauten Südosteuropas. Köln, 1971.

²³ Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII века. — СА, 1980, № 3, с. 157.

²⁴ История русского искусства. М., 1978, т. 1, с. 25 (текст Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта). См. также: Лазарев В. Н. Древнерусские мозаики и фрески. М., 1973, текст перед рис. 188.

²⁵ Колюч А. И. Роль княжеского заказа в построении Софийского собора в Киеве. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси.

ском Софийском соборе, очень близком ему по композиции, галереи первоначально строились одноэтажными; они не закрывали хор, и поэтому количество глав здесь меньше, их всего пять ²⁶. Многоглавие, вызванное функциональной необходимостью, архитектор использовал для создания чрезвычайно торжественной и живописной композиции. Особенности заказа может быть объяснено и широкое развитие западной части, столь характерное для ранних киевских храмов ²⁷.

Вторая причина, повлиявшая на изменение византийских архитектурных форм на русской почве, — отличия в условиях строительства и в строительных материалах. Раньше на Руси не было кирпичного строительства, и естественно, что византийским мастерам пришлось здесь впервые налаживать производство кирпича. Конечно, они стремились по возможности экономить его и использовать местный камень. Так, в Новгороде строители широко применили местную известняковую плиту, что резко изменило внешний облик стен. На Руси не было мрамора, и поэтому вместо мраморных колонн зодчие ввели кирпичные столбы, а это сразу же сказалось на характере интерьера храмов. Высказывалось предположение, что даже форма сводов с подпружными арками и связанное с этим применение столбов с выступающими лопатками отвечают некоторому упрощению системы кладки, что, в свою очередь, объясняется нехваткой опытных каменщиков ²⁸. Вместо мраморных карнизов использовали плиты пиррофилитового сланца (обычно называемого красным шифером). Им покрывали и полы, поскольку он имел цвет, близкий к излюбленному в Византии пурпуру. Также широко вместо мраморных полов стали употреблять полы из поливных керамических плиток. Таким образом, внедрение местных строительных материалов и приспособление к местным условиям строительства оказали очень существенное влияние на изменение архитектурных форм.

Наконец, третья причина, которую нам, к сожалению, труднее всего учесть, — эстетические представления заказчиков. По-видимому, деревянное зодчество, существовавшее на Руси до принятия христианства, не могло оказать непосредственного влияния на архитектурные формы или строительные приемы каменно-кирпичных сооружений. Этому препятствовала совершенно иная технология деревянного и каменно-кирпичного строительства. Даже значительно позднее при нехватке каменщиков их вербовали из горшечников, керамистов, а не из плотников. Кроме того, церковные власти, конечно, не могли допустить, чтобы первые христианские церкви хоть в чем-либо напоминали языческие капища. Однако традиционное на Руси деревянное зодчество могло все же повлиять на архитектурный облик монументальных каменно-кирпичных сооружений, поскольку традиции деревянного зодчества способствовали выработке у представителей господствующего класса Киевской Руси определенных эстетических представлений, а архитектору нельзя было не считаться с требованиями заказчиков.

В результате сочетания и взаимодействия этих причин памятники русской архитектуры уже на самых ранних этапах развития обладали большим своеобразием, заметно отличающим их от памятников Византии. На основе этих ранних киевских зданий на Руси сложилась собственная архитектурно-строительная традиция. В силу церковно-политического главенства Киева она стала ведущей в развитии архитектуры во всех русских землях. Поэтому вновь приезжавшие мастера были вынуждены считаться с нею и придерживаться основных композиционных и типологичес-

М., 1972, с. 50; см. также примечание Г. М. Штендера в кн.: *Каргер М. К.* Новгород. 4-е изд. Л., 1979, с. 229, примеч. 7.

²⁶ Штендер Г. М. Первичный замысел и последующие изменения галерей и лестничной башни новгородской Софии. — В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 30.

²⁷ Холостенко М. В. З історії зодчества древньої Русі X ст. — *Археологія*, 1965, т. XIX, с. 68.

²⁸ Schäfer H. *Architekturhistorische Beziehungen...*, S. 216.

ких решении, сложившихся в Киеве. Так, строители Успенского собора Печерского монастыря несомненно учитывали, что в Киеве к этому времени уже получил развитие тип трехнефного крестовокупольного (вернее — типа вписанного креста) храма с нартексом²⁹. В дальнейшем престиж Печерского монастыря и вышедшая из него легенда о «божественном» происхождении Успенского собора создали традицию, по которой большие городские и монастырские соборы должны были как типологически, так и по посвящению (Успение) повторять Печерский собор³⁰. Конечно, повторение это было не буквальным: храмы строили разной величины, с нартексом или без него, но общий тип здания повторяли полностью. В тех же случаях, когда вновь приезжавшие византийские мастера вводили здания, не отвечавшие сложившейся киевской традиции (например, церковь Михаила в Переяславле, собор Кловского монастыря), эти памятники уже не оказывали существенного влияния на дальнейшее развитие русского зодчества.

Со сложившейся на Руси архитектурной традицией пришлось считаться не только византийским, но и приезжавшим романским мастерам: так, церковь Иоанна в Перемышле (первая четверть XII в.) представляла собой крестовокупольный храм, а не романскую базилику³¹.

Таким образом, в развитии русской архитектуры по крайней мере с середины XI в. наметилась четкая линия самостоятельного развития, приведшая в середине XII в. к появлению таких построек, в которых византийские композиционные приемы были полностью переработаны и переосмыслены. Свидетельством этому является Спасский собор Евфросиньева монастыря в Полоцке — первый пример той динамической башнеобразной композиции церквей, которая стала господствующей в русском национальном зодчестве к концу XII в.³²

²⁹ *Комеч А. И.* Возникновение позакомарного завершения фасадов в храмах Киева второй половины XI—начала XII века. — В кн.: Реставрация и исследование памятников культуры. М., 1975, вып. 1, с. 14.

³⁰ О церкви в Ростове в Печерском Патерике сказано: «...и сия вся в чин и в подобие сътвори по образу великия тоа церкви богознаменания». См.: Памятники литературы древней Руси. XII век. М., 1980, с. 428.

³¹ *Раппопорт П. А.* К вопросу о сложении галицкой архитектурной школы. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 459; *Иоаннисян О. М.* О раннем этапе развития галицкого зодчества. — КСИА АН СССР, 1981, вып. 164, с. 37.

³² *Раппопорт П. А.* Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков. — В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции, с. 12.